

Лев Аннинский

Интеллигенция в постимперской России Проблемы идентичности

Не в руку сон богатырю.
Несутся куры под ногтями.
Зеваючи во всю зарю,
Он растолкнул простор локтями...

Юрий Кузнецов. Русское время

Из шести слов, очертивших тему нашего обсуждения, четыре понятны: *религия, культура, нация и империя*, а два поначалу не очень: *дискурс и идентичность*.

Однако в конце концов четыре понятных оказываются довольно смутны, а два непонятных и проясняются с помощью новейших словарей. У Даля, конечно, ни *дискурса*, ни *идентичности* нет в помине. Во времена Даля сказали бы так: описание того, что непонятно, соединение неизвестного с известным. Из чего я вывожу первую особенность нашей ситуации: она *в принципе непонятна*, ее надо с чем-то отождествить, то есть и-ден-ти-фи-цировать, и не столько в реальности, которая именно и смутна, сколько в наборе слов — в дискурсе.

Поскольку мне в контексте дискурса идентичностей предложено опробовать именно интеллигенцию, — объясню сразу, что интеллигенция в нашем обыденном понимании — это нечто безразмерно-комплиментарное или безразмерно-ругательное. Без определенных границ. То ли это люди с дипломами о высшем образовании, занимающиеся чистой работой, то ли люди

хорошо воспитанные, то ли люди, непримиримые к власти (любой!), то ли люди в очках и шляпах...

Поэтому определимся с термином.

У Г. Федотова сказано: интеллигенция в России — религиозный орден с отрицательным богом. Сказано замечательно — для периода смут и революций. Но советская интеллигенция из этого определения выпадает, а ведь это тоже интеллигенция.

Ближе к современной реальности схема Ахиезера. Существуют элита правящая и элита духовная. Первая решает насущные задачи, вторая обеспечивает осмысление дальних задач. И потому они не совпадают. И даже исторически социальная подпитка этих элит идет из разных страт, правящей — из дворянства, духовной — из духовенства, естественно... Но интеллигенция не совпадает ни с одной из них. Более того, она им как бы неуловимо противостоит, хотя может иногда и соприкоснуться, а иногда даже и хватается за власть (что из этого хватания происходит, мы наблюдали в начале последнего десятилетия XX века). Ей, интеллигенции, в принципе *власть* — противопоказана, у нее, интеллигенции, другая изначальная задача.

Какая же?

Сопряжение начал в обществе. Связь элит и масс. Информационное, нравственное, духовное окормление целого, которое все время распадается, разрывается и раскалывается. Задача — по определению непосильная, поэтому и интеллигенция в России по определению жертвенна. В «нормальной» западной стране, где концы можно свести без столь дикого напряжения и без бунта, «бессмысленного и беспощадного», интеллигенции нет. Там только элиты. Интеллигенция появляется в России в XVIII веке по мере того, как власть, рванувшаяся модернизировать страну, все более отрывается от народного тела, в православие, веками скреплявшее страну и народ, на глазах раскололось при первой же попытке «исправить книги», то есть найти новые слова для идентификации новых явлений. Тогда-то в недрах православия отыскивали первого интеллигента — Нила Сорского, и с его помощью назна-

чили интеллигенции программу — *нестяжание*, то есть неучастие ни в какой государственно-хозяйственной деятельности и поиск связи разлетающихся концов (как теперь сказали бы — *идентификация*).

С чем идентифицировать себя, как самоопределиться нынешней русской интеллигенции — наследнице Нила и вечной противнице всяческого стяжания, будь то осифлянское стяжание монастырских имуществ или стяжание окраин империи под общекультурный колпак русификации, стяжание этнически чистого «русского духа» или имперской военной мощи?

И вот четыре «печки», от которых предложено танцевать современному русскому интеллигенту: религия, культура, нация и империя.

Логически мыслящий интеллеktуал усмехнется: где же тут общее основание? Культура частично совпадает с религией, нация — с империей, и обе пары взаимонакладываются друг на друга.

Ну и что? — отвечу я. Мало ли что взаимонакладывается сегодня в головах людей! Коммунизм с фашизмом на глазах слились в красно-коричневый компот (то есть комплот), и никто не ищет в этом логики, — такова реальность интересов. Мало ли на чем самоопределится сегодняшний интеллигент! На чем сумеет, на том и определится. Четыре «идентичности», ему предложенные, вовсе не «логический квадрат» мудрого византийца Михаила Псёлла, а просто перечень духовных вакансий, вразнобой открывшихся для заполнения.

А может, именно в этом разное — мета нашего времени?

Раз так, примем это как данность и заглянем во все четыре «вакуумных установки!»

Первая — религия. Тут вакуум наиболее ощутим. Православная церковь веками стоит, застыв в раболепном благоговении перед святынями, боясь шевельнуть хоть одну из них, потому что канон у нее до тех пор канон, пока он неприкосновенен. Если ты гордишься «древлем благочестием», которое неприступно и для атак католического цезарепапизма, и для соблазнов протестантского индивидуализма, — то любая модернизация может идти только

контрабандно, в обход православной праведности. Это и показано в докладе Татьяны Филипповой на нашем семинаре: пытаюсь сдвинуть застывшее благочестие с мертвой точки, два «немца»: патриарх и президент (один немец по крови и «хватке», другой — по немецкой школе в разведке и по «хватке» тоже) сразу переходят на язык лютеранских трудоголиков. Что же до их единения, то они и на порог не пустят такого конкурента в огосударствлении веры, как папа Римский.

Это — сверху. А снизу? О том, как окормляется сама «Святая Русь», оберегаясь от штундистских и папезских напастей, не без изумления поведал нам в своем докладе Сергей Антоненко. Современный русский человек может ни в грош не ставить Христа и все-таки считать себя православным, а современный хитрован-богоискатель выдумывает и подставляет под это чудище такую особую тройку, как Правь, Явь и Навь, — перед которой, косясь, постараниваются и дают ей дорогу и римское право, и рационально-мыслящая явь здравомыслия, и коммунистическая новь, еще недавно научно хоронившая христианскую веру.

Спрашивается: может ли интеллигент идентифицировать себя с таким православием сверху и таким православием снизу? Интеллигент, генетически появившийся в России в противовес попу и всегда смеявшийся над ним! Куда деть тот замечательный факт, что самые непримиримые идеологи интеллигенции появлялись именно в семьях духовенства, и именно из протеста? И первым признаком осознающего себя интеллигента был атеизм, рождавшийся в самых страстных религиозных душах!

Интеллигенция и духовенство были антиподы именно потому, что давали противоположные ответы на *одни и те же* бытийные вопросы, до каких других человеческим типам не было дела. Напоминаю федотовское определение: религиозный орден с отрицательным богом. Бога можно вернуть. Но нельзя вернуть то учение, которое спровоцировало его отрицание. Современный интеллигент может быть христианином по системе ценностей, по вкусам, по поведению (скорее, впрочем, экуменистом, чем прихожанином). Но

вряд ли в нынешнем своем духовном самоопределении он последовательно и логично впишется в *православный канон*. Если же это велит ему власть, — тем более не впишется.

Культура. Отдадим себе отчет: та культура, вокруг которой в новую и новейшую эпохи было собрано русское сознание, трещит по швам. В Девятнадцатом веке эта культура была литературоцентрична, в Двадцатом — еще и киноцентрична («Из всех искусств важнейшим для нас является кино» — правильно, Владимир Ильич!). И что же? Кино, трижды стяжавшее в советскую эпоху мировую славу: рейдом «Броненосца» в 1920-е, чапаевской конной лавой в 1930-е и Ивановым детством, оплаканным за Заставой Ильича в 1960-е, — русское кино разрушено, стилистически и экономически капитулировало перед американской киноиндустрией и перед отечественным телевидением, которое в свою очередь капитулировало перед дурно пахнущим политиканством и еще более дурной развлекаловкой.

Литература расколота на «правую» и «левую» (определения меняются местами; невозможно также запомнить названия писательских Союзов, почти неразличимых, но люто непримиримых). Этим летом Евтушенко во время организованного им Фестиваля поэзии на Байкале в каждом выступлении возглашал: «Люди, передайте Валентину Распутину, что я по-прежнему протягиваю ему руку дружбы!» А люди из распутинского Союза в эти же сроки устроили альтернативный литературный рейс по Транссибу, чтобы никто из «их» сторонников не соблазнился либеральным фестивалем. И подобно Иркутской — расколоты, я думаю, все писательские организации России.

Либеральная критика, обслуживающая либеральную словесность, питается букеровскими премиями и констатирует смерть серьезной русской литературы. Это похоже на правду: лишившись соросовской подпитки, умирают толстые журналы (теперь они официально выведены за пределы СМИ). На авансцене «серьезной прозы» царят пепсиглоты и попсоеды, выстраивающие из дерьма, мата, наркоты и спермы модели псевдореальности, по поводу которых Борис Парамонов философствует в духе «ничевоков» столетней дав-

ности, доказывая, что все это — зады давнопрошедшего авангарда, и при желании можно придать подобным играм блеск и глубину.

Можно. А можно отвернуться и не читать: пустое.

Опустевшее место занято детективами в мягкой обложке. Здесь — свои чемпионы по тиражам — крутые дамы, работающие на юморе в духе Иоанны Хмелевской. Одна из них на вопрос о «духовном смысле» ее «посланий к читателям» ответила весьма умно:

— Что я вам, Достоевский?

Критики противоположного либералам патриотического лагеря, наоборот, только о «посланиях» и думают, они выстраивают свои литературные ряды от Проханова и Мамлеева до Личутина и Лимонова; тут «нам» и Достоевский, и Шолохов, то есть тут действительно реанимируют «большой стиль» советской эпохи и «вечные» психологические проблемы русской классики. Но... большого читателя все-таки нет, всеобщего литературного процесса нет, и главное: нет ощущения, что вокруг этих «слов» действительно сплачивается Россия.

Показателен в этом отношении один из ярчайших (и лютейших) поэтов патриотической России, Юрий Кузнецов. Его фундаментальный сюжет — гибель мира. И в новейшем цикле, озаглавленном «Русское время», он про-рочит:

*Говорил тупик большой дороге:
«Не пыли! Тебя я обогнал!»
Это мы бежим, Господни ноги,
И бежит на месте наш финал.*

Перебросьте мостик к «Бесконечному тупику» одного из талантливейших публицистов «антилиберального фронта» Дмитрию Галковскому и оцените стилистическую интуицию мыслителей России, пытающихся сегодня выстроить русский космос как русский этнос.

Тут мы упираемся в третью «печку», на которой никак не подъедет к интеллигентскому самоопределению наш сказочный Емеля: это нация.

Нация, как справедливо напомнила нам в своем докладе Татьяна Филиппова, — это категория постхристианская (или предхристианская, все равно: для Христа несть ни Еллина, ни Иудея). В православном аспекте нынешнее беснование сект и бурление ересей может быть объяснено слабостью православной церкви, ее неспособностью как противостоять модернистскому распаду, так и подернизироваться вовремя. Но драма, видимо, имеет более широкие аспекты: во всем мире идет «плюрализация», самособирание народов, опирающихся на племенное единство в попытке противостоять мировой интеграции, независимо от того, под каким флагом эта интеграция идет: под американским или — ранее — под советским, или ныне — мусульманским, или европейским (варианты — атлантистским, евразийским). Глобальный проект брезжит в каждом сгустке силы, собирающемся на «шарике», но непрерывно же и сопротивление этому «проекту». Причем силы, ему сопротивляющиеся, окрашиваются в этнические тона так же непредсказуемо, как в тона конфессиональные, социальные или какие-нибудь вовсе абсурдные (вроде сект любителей пива или сатанистских); главное — противостояние «глобализму», «империализму» и прочим интегральным силам.

Россия как этническое целое противостоит в этом контексте не только собственной многонациональной истории, она противостоит, так сказать, Божьему замыслу о себе, ибо «наш удел есть воссоединение людей», и государство Российское изначально мыслилось не как племенное, а как Вселенское.

Химерическая задача? Допускаю. Русское выражение «вселенская смазь» — хороший лингвистический комментарий к безмерности этого замысла. И все-таки без такой «химеры» не было бы великой России. И не будет. Нация исчезнет в море других наций. Россия в том понимании, в каком она дорога миллионам россиян, переменится. Миллионам россиян, занятых процессом выживания, от этого, может быть, и не станет хуже. Интеллигенту

— станет. Обесценится важнейший фактор его духовного самоопределения: сверхнациональный, вселенский, мировой смысл его существования.

Интуитивно чувствуя это, интеллигент вряд ли встает на камень, называемый «нация».

Впрочем, это не камень уже. По определению Юрия Кузнецова, это — «слепое пятно», знак отсутствия, фатум предательства:

*Пятно — предатель ближних глаз,
Его зовут слепым.
Предатель блещет среди нас
Отсутствием своим
Его отсутствие косит
И со смешком гнусит:
«Через меня иль сатану,
Но попустил Господь
Скосить великую страну:
И дух ее, и плоть».*

Здесь прямо назван четвертый ориентир: Империя, скошенная попущением высших сил и проклинаясь сегодня всеми, кто выбрался из-под ее обломков. В похоронном плясе бывшие жертвы утешаются мыслью, что империи — это какие-то припадки безумия в истории человечества, и, слава богу, они не вечны.

Ответить можно встречной провокацией ума: империи, разумеется, не вечны, но тогда откуда их вечное возобновление в истории? Не будем вслед за Тарановски жонглировать суффиксами: Россия — империя без империализма, СССР — империализм без империи... Здесь встречные провокации ума просто просятся на язык. Утешимся тем, что СССР — это наиболее рациональное (и наиболее страшное по жестокости) продолжение Российской империи в век смертельных для нее мировых войн. Потому она и уцелела на

весь XX век, не последовав в небытие за Австрийской, Германской и Турецкой и встав рядом с Британской и Американской.

Григорий Померанц заметил, что все мировые религии (и великие культуры, ими выпестованные) родились в контексте империй. В том числе и сопротивляясь имперскому давлению. Но не вне его!

В самой общей форме империя есть общая крыша, под которой насильственно (в большей или меньшей мере) объединяется пестрый исторический «материал», и возникает нечто целое, предотвращающее взаимоистребление компонентов. Вопрос о том, каково это *целое* и долго ли удержится под ударами «частей», рвущихся свести счеты.

Историки различают три типа империй.

Первый — *завоевание*: когда объединяющая сила (нация, народ, племя, каста, военная верхушка) подчиняет захваченное жизненное пространство и делает его *своим*. Пример — Рим, в своих пределах либо уничтожавший противников, либо делавший их римлянами (так что и противники стремились не столько уничтожить римлян, сколько стать ими). Еще пример — Германия. «Священная Римская империя германской нации — попытка сменить в этой империи титульного хозяина. Последний пример — Гитлер, замышлявший новый порядок в Европе — как немецкий. Эта схема самая жесткая и потому самая хрупкая.

Второй тип империи — *общий котел*. Нет «титульной» нации, подчиняющей или уподобляющее себе все остальное, а есть — новое качество, новая историческая общность — смесь. Пример — Соединенные Штаты Америки. Язык — английский (впрочем, уже американский). Эта схема более подвижная и потому более живучая. Впрочем вопрос о степени ее живучести еще не решен.

Третий тип — *многожильный провод*. Народы, соединенные в гибкое единство, остаются собой. Капуста во щах не перестает быть капустой, а остается ею. Классический пример — Британская империя, самая старая из ныне сохранившихся.

Какого типа Российская (советская) империя? Точно — не первого, потому что никаких «прарусских» не было — они никого изначально не подчиняли, они *возникли* в ходе и в результате смешения славянских, угорских и тюркских элементов, строивших империю. По внутренней задаче Российская империя — общий котел, по реальной политике — многожильный провод. Вопрос: оттого ли она распалась, что не успела свариться в общем котле или, напротив, оттого, что не сумела удержаться как многожильный провод, — этот вопрос тоже не решен, он будет решен историками в зависимости от того, как дело пойдет в Двадцать Первом веке. Переделавшись из Союза в Содружество, русские пытаются скопировать Британскую схему, но получится ли это, непонятно: одно дело сплачивать гибкую систему *на воде*, и другое дело — на евразийских камнях, где народы «трутся» друг о друга, высекая искры.

Лев Гумлев сказал: Россия — это *хряц*, выросший от трения Европы об Азию, Запада об Восток.

Неслабая перспектива — не иметь собственной геополитической задачи и зависеть от того, кто об кого трется. Однако примем это как данность: мы действительно средостение, тысячу лет предохранявшее европейцев и азиатов от взаимоуничтожения. Щит, защищавший от тех, от этих от тех и этих. Общая связка, не дававшая размахивать кулаками в междоусобиях.

Есть ли у России будущее?

Это зависит от того, какую геополитическую конфигурацию примет мир в новом тысячелетии. А вот это как раз в высшей степени смутно. Идет глобальный передел сфер, Запад поворачивается фронтом на Юг, точки схождения (сшибки) сдвигаются с традиционных полей (Куликово, Бородинское, Прохоровское) в такие места, где никто взрыва не ждет (например, на берега Манхеттена).

В ситуации полной геополитической неопределенности ни один здравомыслящий русский интеллигент ни с Империей себя не свяжет, ни с могильщиками Империи плясать не станет. Непрочна печка.

Впору вспомнить великого японца: «Я умираю? Да... Но то, что меня создало, создаст второго меня».

* * *

Заключительное мое соображение касается природы непрочности всех четырех предложенных нам ориентиров. Они не просто разноосновны: религия, культура, нация и империя, — они как бы принципиально обманны, провокационно коварны в теперешних российских условиях.

Я подозреваю, что именно иллюзорность этих наших вех делает их особенно интересными для американцев, потому что при всей кажущейся прочности последней цитадели «мировой солидарности» она внутренне содрогается от разнонаправленных сил. Я уже не говорю о социальных перепадах и религиозных контрастах, — допустим, это преодолимо, и, конечно, в такой религиозно-индифферентной стране, как Америка, конфессиональные перегородки «не доходят до неба». Так вдруг поможет американцам опыт русской интеллигенции, которая всю свою историю висит в невесомости и не умеет ни за что зацепиться в своем «духовном самоопределении».

Каков для нас выход?

Не знаю. И не думаю, что скоро узнаю. И само это незнание делаю опорой своего бытия. Если все четыре константы самоопределения мнимы и ненадежны, значит, *любая* из них неожиданно и нелогично может оказаться опорной, — путь только появятся силы, которые станут искать себе выход.

Сейчас сил нет, Россия в кризисе, рождаемость падает, люди пьют и гуляют, работать не готовы. Каким вырастет поколение, «рожденное в года глухие», неведомо. Может, оно окажется окончательно *потерянным* для себя и для истории, а может, напротив, скопит силы для яростного реванша.

Когда сила накоплена, она устремляется в любой канал, не спрашивая рациональных обоснований. Скопилась сила еврейского возрождения — и

наполнила допотопный язык, во что вряд ли верили поначалу даже члены семьи литовского грамотея Перельмана, начавшего этот эксперимент. Скопилась сила афганского сопротивления — и наполнилась ею студенческая поросль, которую выращивали американские «империалисты» совсем для других задач — в пику советским «империалистам»...

Скопится русская сила — и пойдем плясать. От любой печки, которая подвернется. Лишь бы не от той, которую подгонял Емеля «по щучьему велению» да по его «хотению».

Впрочем, судя по «Русскому времени» Юрия Кузнецова, наш богатырь еще только «потягивается перед Богом». Он «зевает во всю зарю». «Единым чохом» он сшиб змея, который на свою беду куда-то «тянулся в небе». Но это еще не настоящее дело. А настоящее будет тогда, когда богатырь действительно проснется и встанет.

Если встанет.